

Трансформация имперской политики в Польше от конституционализма к бюрократической централизации

Т. В. Андреева

Для цитирования: *Андреева Т. В.* Трансформация имперской политики в Польше от конституционализма к бюрократической централизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 3. С. 721–749. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.303>

Целью статьи является исследование трансформации имперской политики в отношении Польши от конституционализма и автономии при Александре I к системе абсолютно-монархического управления и бюрократической централизации в царствование Николая I. Процесс формирования новой польской политики рассмотрен через политические и служебные биографии видных сановников и военачальников Польши, ставших в николаевскую эпоху членами имперского Государственного совета. Особое внимание уделено изучению механизмов оформления русификаторской программы самодержавной власти после Польского восстания 1830–1831 гг. В связи с этим решены следующие задачи: определены высшие совещательные органы, существовавшие при Совете, — Комитет по делам Царства Польского и Департамент дел Царства Польского, разработывавшие как программный документ в виде Органического статута 14 февраля 1832 г., так и конкретные законодательные проекты, направленные на административную, социально-экономическую, финансовую интеграцию польских земель в состав империи; сопоставлены их функции, рассмотрены соподчиненность и взаимоотношения; выявлены члены Комитета и Департамента — государственные деятели польского происхождения; определена их роль в разработке правительственной программы, направленной на утверждение нового статуса Царства Польского и новой модели его управления. В статье изучены внутри- и внешнеполитические аспекты проблемы инкорпорации представителей сановной бюрократии Польши в состав высшего законосовещательного учреждения Российской империи, выявлены социально-политические причины неудачи Николая I в использовании «польского потенциала» для решения имперских задач. Продемонстрировано, что нежелание участвовать в законодательной деятельности имперского Государственного совета сановников, считавших самым важным сохранить польскую национальную идентичность и самостоятельность, объясняется противоречиями между их идеологической установкой и правительственной программой, направленной на упразднение государственно-правовой и финансовой автономии Польши, а также на ее административную унификацию в составе Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, Царство Польское, Польское восстание, Николай I, Государственный совет, Комитет по делам Царства Польского, Департамент

Татьяна Васильевна Андреева — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН, Российская Федерация, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7; ta-a.andreeva2014@yandex.ru

Tatiana V. Andreeva — Doctor in History, Leading Researcher, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Institute of History, 7, Petrozavodskaja ul., St. Petersburg, 197110, Russian Federation; ta-a.andreeva2014@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

The Transformation of Imperial Politics in Poland from Constitutionalism to Bureaucratic Centralization

T. V. Andreeva

For citation: Andreeva T. V. The Transformation of Imperial Politics in Poland from Constitutionalism to Bureaucratic Centralization. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, issue 3, pp. 721–749. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.303> (In Russian)

The article explores the process of the formation the new Polish policy through the prism of biographies of representatives of the Kingdom of Poland who became members of the Council of State during the reign of Nicholas I. The article demonstrates that the problem of management of a huge country at the beginning of the researched period was one of the main issues. The extraordinary circumstances of the accession to the throne, that is, the dynastic and political crises, and then the revolutionary upheavals in Europe, had a decisive influence on the choice by Nicholas I of strategic priorities and tactical attitudes of state policy. A tactical means of achieving it was a new type of absolutism combining the monarch's strong authoritarian power with an improved management system, one of the most important components of which was determined by the "national" administration of Poland. At the same time, the "information war" unfolding in connection with European revolutionary events forced the supreme power to pay special attention to its ideological and institutional convergence with the political system of Russia. Given the conditions of the destruction of the system of relations with Poland that existed until 1830, the government's priority was to develop a new domestic policy that would ensure that the imperial center maintain social peace in the region by means of not only establishing a single legislative space, but also by incorporating the Polish administrative and military elite into the highest state institutions of the country.

Keywords: Russian Empire, Kingdom of Poland, Polish Uprising, Nicholas I, Department of Affairs for the Kingdom of Poland of State Council, K. F. Drutsky-Lyubetsky, V. I. Krasinsky, S. F. Grabovsky, S. A. Zamoysky, A. A. Rozhnetsky, I. L. Turkul.

Положение Польши в разные периоды ее существования в составе многонациональной Российской империи не было одинаковым. Николаевское царствование занимает особое место в «русском периоде» польской истории. Это был сложный, переходный этап от конституционной и финансовой автономии Царства Польского в эпоху Александра I к всеобъемлющей интеграции польских земель в имперскую систему после восстания 1863–1864 гг. Именно в правление Николая I начался процесс корреляции польской политики, изменился политико-административный статус Польши в структуре имперских связей. Восстание 1830–1831 гг. определило государственный курс касательно Царства Польского и его положение как составной части единой Российской империи. В связи с этим важное значение приобретает вопрос об участии государственных деятелей польского происхождения в формировании правительственной программы, направленной на объединение Польши с империей в государственно-правовом, административном, финансовом, юридическом отношениях.

Данная статья посвящена изучению политических и служебных биографий польских сановников, ставших в начале правления Николая I членами имперско-

го Государственного совета (К. Ф. Друцкого-Любецкого, С. Ф. Грабовского, С. А. Замойского, В. И. Красинского, А. А. Рожнецкого, И. Л. Туркула), определению их места в системе власти и структуре институций николаевской России, выявлению роли в работе высших совещательных учреждений империи, прежде всего Комитета по делам Царства Польского (1831–1841 гг.) и Департамента дел Царства Польского (1832–1862 гг.), разрабатывавших законодательную и административную основы нового статуса Польши и новой модели ее государственного управления.

В историографии темы можно выделить несколько основных направлений. К первому направлению относятся работы, рассматривавшие польскую политику в 1830–1855 гг. в контексте эволюции имперской государственности, формирования централизованной бюрократической империи, утверждения системы абсолютно-монархического управления. Наибольшего внимания из дореволюционных трудов заслуживают сочинение Ш. Аскенази, который стоял у истоков изучения польской политики в 1815–1830 гг.¹, а также книги А. А. Корнилова и М. А. Полиевктова. А. А. Корнилов рассматривал новый политический курс в отношении Польши в рамках строительства единой Российской империи и подчеркивал, что Николай I считал ее «страной, завоеванной русским оружием» и потому «долженствующей быть объединенной с коренными великороссийскими землями»². В работе М. А. Полиевктова, вышедшей уже в советскую эпоху, николаевская правительственная система обозначалась «формулой консервативной бюрократической программы», направленной на дальнейшее развитие принципа «бюрократической централизации». На национальных окраинах, прежде всего в Польше, как показал автор, это находило отражение в «обручительной политике», возникновение которой датируется 1831 г., а ее основателем считается Николай I³.

В современной историографии важное значение для нашей темы имеет монография Л. Е. Горизонтова, посвященная анализу государственного курса в отношении польских земель на протяжении четырех царствований в контексте присутствия поляков в России и русских в Польше. Вслед за М. А. Полиевктовым Л. Е. Горизонтов «основополагающим рубежом» «обручительной политики» определяет 1831 г., а Николая I — «основателем новой польской политики», которая, претерпев модификации, продолжалась вплоть до крушения империи. Предметом специального изучения при этом стали административно-правовое регулирование всех сфер жизни поляков в николаевскую эпоху и их национальная дискриминация. Не менее важной для изучаемой темы оказалась статья Л. Е. Горизонтова, посвященная службе поляков Российской империи. Рассматривая службу польских подданных в узком смысле как государственную и гражданскую, а в широком — как культурную, автор подчеркивает, что, с одной стороны, она являлась проблемой «индивидуального выбора», а с другой — «общего политического курса, весьма существенным элементом которого была кадровая политика»⁴.

¹ Аскенази Ш. Царство Польское: 1815–1830 гг. М., 1915.

² Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915. С. 30–39.

³ Полиевктов М. А. Николай I. Биография и обзор царствования / сост. и вступ. ст. Л. В. Выходякова. СПб., 2019. С. 41–42, 122–139.

⁴ Горизонтов Л. Е.: 1) Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М., 1999. С. 1, 2, 12–39; 2) Служить или не служить империи? Поляки в России XIX в. // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты. М., 2011. С. 297–307.

Первым специальным исследованием, посвященным Комитету по делам Царства Польского, является монография Э. Е. Эпштейна. В работе, базирующейся на материалах архивного фонда Комитета в РГИА, проведен анализ его правового и организационного статуса, состава, основных задач и предметов деятельности, ведомственной подчиненности и взаимоотношений с Департаментом дел Царства Польского. Одной из главных задач Комитета, как показано в книге, было создание «программного документа», фиксирующего новые принципы административно-правового статуса Царства Польского в составе Российской империи и его управления после восстания. Таким документом стал Органический статут 14 февраля 1832 г., различные варианты проекта которого разрабатывались и обсуждались исключительно в рамках данного Комитета⁵.

Большой интерес для рассматриваемой темы представляют исследования Л. В. Выскочкова и И. В. Ружицкой, в них особое внимание уделяется политической фигуре К. Ф. Друцкого-Любецкого. Как показал Л. В. Выскочков, активная позиция Любецкого, в начале Польского восстания пытавшегося вести переговоры с великим князем Константином Павловичем, а затем приехавшего в Петербург в составе делегации от диктатора Ю. Хлопицкого, была обусловлена поисками сановной элитой Польши компромисса с Николаем I. Введение же вместо Конституционной хартии 1815 г. Органического статута 1832 г., упразднение Сейма и министерств, а затем Государственного совета, установление контроля над местными учреждениями отражали новую модель польской политики, направленной на интеграцию Царства Польского в состав Российской империи. Весьма важными представляются концептуальные выводы Л. В. Выскочкова, что победа Николая I над Польшей «была военной победой, а не политической» и что в польских губерниях император «добился покорности, но не слияния с Россией»⁶.

И. В. Ружицкая, рассматривая российское самодержавное государство как «организацию с присущими ей структурой и способом функционирования», встраивает в нее Государственный совет и его временные совещательные комитеты и департаменты, в том числе польские Комитет и Департамент, изучает их проективную деятельность в неразрывной связи с развитием имперской государственности, бюрократизацией и профессионализацией управления. Автор касается деятельности князя Любецкого в Государственном совете, его борьбы с министром финансов Е. Ф. Канкриным, подчеркивая, что она не увенчалась успехом, хотя авторитет князя как специалиста по финансовым вопросам в глазах Николая I и среди советников был очень высок. Принципиально значимыми для рассматриваемой темы представляются положения И. В. Ружицкой о высоком статусе и самостоятельной роли Государственного совета в системе властных структур николаевской империи, его влиянии на законодательный процесс и всесторонней поддержке Николаем I⁷.

В отдельный блок можно выделить исследования, в которых анализируется деятельность Любецкого на посту министра финансов (1821–1830 гг.), изучаются

⁵ Эпштейн Э. Е. Деятельность Комитета по делам Царства Польского при Государственном совете (1831–1835 гг.): проекты и стратегия управления. М., 2015. С. 5.

⁶ Выскочков Л. В.: 1) Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 305–311; 2) Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018. С. 380–398.

⁷ Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.; СПб., 2018. С. 107–108, 197–199, 237–248.

его финансово-экономическая политика и модернизационная программа. В польской дореволюционной, «советской» и современной историографической традиции всегда подчеркивалось огромное значение министерства Любецкого, главным достижением которого стали ликвидация угрозы падения финансовой автономии, утверждение самостоятельной политики Польши в сфере финансов⁸. Схожая оценка министерской деятельности Любецкого дана в монографии советской исследовательницы Л. А. Обушенковой. Анализируя экономическую, финансовую, бюджетную, тарифную, кредитную политику польского министра финансов, автор указывает, что именно Любецкий «способствовал ликвидации финансового кризиса в Королевстве Польском», стимулировал развитие польской промышленности и торговли⁹.

Отдельное направление в историографии темы составляют работы научно-биографического жанра, разработку которого применительно к государственным деятелям Царства Польского следует отнести в актив польских ученых. Главным героем их публикаций является князь Любецкий. Стремясь отойти от стереотипов и легенд в служебной и политической биографии князя, польские историки, прежде всего Е. Щепаньский, обращаются к изучению не только его экономической и финансовой политики, но и остающихся до сих пор дискуссионными двух важнейших проблем — участия в Ноябрьском восстании 1830–1831 гг. и разработке Органического статута¹⁰.

В книге известного польского исследователя петербургской Полонии Л. Базылева предпринята попытка выявить состав и отличительные черты польской диаспоры в Петербурге. По подсчетам историка из 470 тыс. населения российской столицы в 1840 г. 20 тыс. являлись лицами польского происхождения. При этом Л. Базылев подчеркивает, что до Польского восстания Любецкий был в Петербурге наездами, не принимал активного участия в культурной жизни поляков, ограничиваясь служебными обязанностями и чаще всего встречаясь с министром-статс-секретарем И. Л. Туркулом¹¹.

Важное значение для нашей темы имеют монография и докторская диссертация Л. М. Аржаковой, изучающей польский вопрос в общественной и исторической мысли дореволюционной России. Принципиально значимым представляется концептуальное положение автора, что данный вопрос «как обиходное для русского общества XIX века понятие (явление) фактически включало в себя весь комплекс социально-политических и этнокультурных проблем, болезненно преломлявшихся в русско-польских взаимоотношениях». Характеризуя смысловое и содержательное понимание польского вопроса в разные эпохи, автор подчеркивает, что применительно к XIX в. он трактовался в контексте внутривнутриполитических дел, взаимоотношений между Царством Польским и империей. При этом Ноябрьское восстание 1830–1831 гг., с одной стороны, усилило в русском обществе антиполь-

⁸ Smolka S. *Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowym: v 2 t. T. 1.* Kraków, 1907. S. 105–106, 164; *Zdzitowiecki J. Książę — Minister Franciszek Ksawery Drucki-Lubecki. 1778–1846.* Warszawa, 1948. S. 150–168, 177, 258–261; *Mycielski M. Rząd Królestwa Polskiego wobec sejmików i zgromadzeń gminnych 1815–1830.* Warszawa, 2010. S. 231, 237.

⁹ *Обушенкова Л. А. Королевство Польское в 1815–1830 гг.: Экономическое и социальное развитие.* М., 1979. С. 91–124.

¹⁰ *Szczepański J. Książę Ksawery Drucki-Lubecki. 1778–1846.* Warszawa, 2008. S. 171–235.

¹¹ *Bazyłow L. Polacy w Peterburgu.* Wrocław, 1984. S. 90, 132–135.

ские настроения, а с другой — стимулировало общественный интерес к истории и культуре Польши¹².

Таким образом, анализ историографической ситуации дает основание заключить, что вопрос о государственных деятелях в начале царствования Николая I не получил комплексного освещения в научной литературе. Не вполне изученными остаются различия и специфика деятельности Комитета и Департамента по польским делам Государственного совета, во многом связанные со служебными и политическими биографиями их членов — представителей управленческой элиты Царства Польского. Практически не раскрыта проблема участия польских сановников в выработке политики и стратегии интеграции западной окраины в имперский организм.

Политическая карьера одного из самых влиятельных польских сановников *Ксаверия Францевича Друцкого-Любецкого* (1778–1846) во многом была обусловлена его принадлежностью к группировке выходцев из Литвы, придерживавшихся пророссийской ориентации и имевших тесные контакты с Александром I. В период 1810–1812 гг., когда в имперской политике актуализировался так называемый литовский вопрос, Любецкий совместно с другими «литвинами» — Л. Платером, М. Огинским, Т. Вавжецким — разрабатывал проект поэтапного восстановления Великого Княжества Литовского, которое сохраняло бы свои прежние правовые нормы и охватывало бы все земли бывшей Речи Посполитой, включенные в состав России. Находясь в 1810 г. в Петербурге, Любецкий был представлен «всемогущему» М. М. Сперанскому, который познакомил его с «политическими механизмами» Российской империи, как писал О. А. Пжецлавский, «познакомил с Россией»¹³. Контакты Любецкого со Сперанским были частыми и связанными с указанным литовским проектом, который поддерживался государственным секретарем¹⁴. Весной 1812 г. проект, одной из задач которого являлось уменьшение значения Княжества Варшавского, привез в Санкт-Петербург и передал Александру I близкий Любецкому по политическим воззрениям и земляческим связям граф *Стефан Фомич Грабовский* (1767–1847), также выходец из Великого Княжества Литовского. Проект потерпел неудачу. Как справедливо указывает Е. Щепаньский, «литовский вопрос в таком виде и перед лицом начала войны 1812 года стал неактуальным»¹⁵. 1812 год на какое-то время развел жизненные и политические пути Любецкого и Грабовского: если Любецкий, сторонник унии с Россией, при приближении французов покинул Вильно, то Грабовский присоединился к Генеральной Конфедерации Царства Польского, созданной при участии Наполеона 28 июня 1812 г. и просуществовавшей до 30 апреля 1813 г.

Подобный выбор был сделан и двумя знаменитыми польскими генералами. Дивизионный генерал *Александр Александрович Рожнецкий* (1774–1849), командовавший польскими войсками, в марте 1812 г. вошедшими в состав «великой

¹² Аржакова Л. М.: 1) Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб., 2010; 2) Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. С. 4, 9, 10, 13, 44–45, 49, 126.

¹³ Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / сост., вступ. ст. и коммент. А. И. Федуты. М., 2010. С. 380.

¹⁴ *Zdżitowiecki J. Książę — Minister Franciszek Ksawery Drucki-Lubecki*. S. 54–55; *Smolka S. Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowym*. T. 1. S. 112.

¹⁵ *Szczepański J. Książę Ksawery Drucki-Lubecki*. S. 106.

французской армии», дошел с французами до Москвы. В кампании 1813 г. являлся начальником штаба корпуса Ю. Понятовского, участвовал в «Битве народов» под Лейпцигом, был ранен и взят в плен, освобожден по приказанию Александра I¹⁶. Граф *Викентий Иванович Красинский* (1782–1858), также дивизионный генерал, был назначен Наполеоном командующим польской армией. В январе 1814 г. Красинский участвовал во встрече Александра I с генералитетом Польши относительно судьбы польских войск. Дело в том, что российский император в связи с проектом создания Царства Польского и необходимостью не допустить перехода польских военных на службу какой-либо другой державе и превращения их в орудие анти-российской политики стремился создать новую армию Польши под командованием великого князя Константина Павловича. В отличие от Наполеона Александр I считал необходимым сохранить ее национальный характер, хотя и с российскими воинскими уставами. Неудивительно, что после отречения Наполеона 25 марта 1814 г., Красинский в составе генералитета, освобожденного от французской присяги, перешел на российскую службу и командовал польской гвардейской дивизией¹⁷.

19 мая 1814 г., после того как оккупационные войска взяли Париж, во французской столице по решению Александра I был создан Комитет гражданской реформы во главе с А. А. Чарторыйским. Важнейшими задачами деятельности Комитета определялись подготовка к отмене на территории Княжества Варшавского действия наполеоновского кодекса 1807 г. и создание проекта новой конституции. Необходимость адаптации государственного устройства и управления земель Княжества к новым историческим условиям вхождения в состав Российской империи обусловила проективную активность видных польских политиков. Разные варианты конституционного проекта, в которых предлагались различные типы организации управления польских земель, столкнулись в Комитете. Любецкий, как его член, 21 августа 1814 г. представил свой проект. Однако окончательный вариант проекта под названием «Основы конституции для Королевства Польского» был разработан Чарторыйским при участии также члена Комитета гражданской реформы, влиятельного польского политика, президента Сената, вице-президента Генеральной Конфедерации и воеводы Княжества Варшавского *Станислава Андреевича Замоиского* (1775–1856). Замоиский, представляя взгляды «галицких» департаментов Княжества, в отличие от сторонников наполеоновского управления, постоянно критиковал существовавшую в нем административную систему, особенно «обширную бюрократию»¹⁸. Поэтому неудивительно, что проект предусматривал переход Польши и Литвы в их старых границах в наследственное владение российских императоров под управлением вице-короля, сохранение польской армии и Литовского статута как кодекса гражданского права. Еще до завершения Венского конгресса к Александру I в Вену была отправлена депутация с данным проектом, которую возглавил тот же Замоиский. 25 мая 1815 г. проект был подписан царем¹⁹.

¹⁶ Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Библиографический справочник. СПб., 2007. С. 689–690.

¹⁷ Там же. С. 405.

¹⁸ *Mycielski M. Rząd Królestwa Polskiego wobec sejmików i zgromadzeń gminnych 1815–1830. S. 34.*

¹⁹ *Ibid. S. 40–41.*

По Генеральному акту Венского конгресса 28 мая 1815 г. большая часть земель Княжества (Герцогства) Варшавского под названием «Царство Польское» была присоединена к Российской империи. 15 ноября 1815 г. обнародована Конституционная хартия Царства Польского. Источниками ее являлись Конституция Речи Посполитой 3 мая 1791 г., Конституция Княжества Варшавского, данная Наполеоном в 1807 г., и Конституционная хартия Франции 1814 г. Первый проект, то есть «Основы конституции для Королевства Польского», представленный Александру I, был исправлен императором, принявшим непосредственное участие в разработке польской конституции и стремившимся «раздвинуть конституционные рамки для свободного проявления самодержавной воли»²⁰. Ведь польский эксперимент рассматривался императором как «объект проверки реальности симбиоза конституции с самодержавной властью». На его основе должна была создаваться российская конституция²¹.

Согласно Хартии, Царство Польское навсегда присоединялось к России как автономное конституционное образование, которое имело свой законодательный орган — Сейм, обладавший правом абсолютного вето и состоявший из двух палат: Сената, члены которого назначались царем, и Посольской избы (палаты) с избранием депутатов на местах. Польские территории имели свой бюджет, денежную единицу, казну и ответственность перед европейскими кредиторами. Совместно с Государственным советом как высшим национальным учреждением Польши административная политика осуществлялась наместником, назначаемым Александром I. Органами исполнительной власти в рамках Совета были Общее собрание и Совет управления, или Административный совет (правительство), состоявший из наместника и министров (начальников пяти департаментов управления), назначаемых императором. Носителем верховной власти в исполнительной и судебной сферах являлся монарх, разделявший с Сеймом законодательные полномочия, но единолично обладавший правом законодательной инициативы²².

Создание Царства Польского во многом изменило политическую и служебную судьбу всех указанных выше представителей польской военной и управленческой элиты. Хотя еще в 1810–1812 гг. Любецкий стал «доверенным сторонником» российского императора, его карьера не являлась «постоянной цепочкой успехов», зависела как от поддержки Александра I, так и от отношения к князю российской управленческой элиты. Но одно несомненно — проективные способности и его стремление к процветанию Польши обусловили продвижение по службе²³. 28 мая 1815 г. Любецкий был пожалован «в звание царского наместника» Царства Польского, 10 июня того же года стал членом его высшего Временного Правительствующего совета. В 1816–1823 гг. в звании «комиссара со стороны России и Царства Польского» участвовал в работе международной Ликвидационной комиссии в Варшаве с иностранными державами в связи с венскими трактатами, одновременно исполняя должность вначале гродненского, а затем виленского гражданского гу-

²⁰ Аскенази Ш. Царство Польское 1815–1830 гг. С. 28.

²¹ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 155.

²² Конституционная хартия Царства Польского // Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881). СПб., 1907. С. 41–63.

²³ *Szczepański J. Książę Ksawery Drucki-Lubecki*. S. 95.

бернатора. 19 июля 1821 г. Любецкий был назначен на пост министра финансов Царства Польского и исполнял эту должность до декабря 1830 г.²⁴

Поскольку разделение сфер компетенции в области финансов устанавливало ответственность по долгам, то по повелению Александра I в 1821 г. оба финансовых ведомства — Царства Польского и Российской империи — подготавливали расчеты взаимных претензий. Работа затянулась до января 1830 г. и имела несколько концептуальных подходов. Причем согласно варианту баланса долгов, подготовленному Любецким, Россия также задолжала Польше²⁵. Сама же дискуссия о долговых обязательствах свидетельствовала о нарастании противоречий между автономным государственно-правовым и финансово-экономическим статусом Царства Польского и самодержавной политической системой Российской империи.

Во многом этому способствовала министерская деятельность Любецкого, имевшего авторитет как у Александра I, так и у Николая I и обладавшего правом непосредственного обращения к монархам, минуя наместника Ю. Зайончека, Административный совет и полномочного делегата при Государственном совете Царства Польского Н. Н. Новосильцова. Известно, что Новосильцов на основе отредактированной им Конституционной хартии Царства Польского 1815 г. разработал проект «Учреждения наместничеств». Одной из общегосударственных целей проекта, созданного по инициативе и по поручению Александра I, стремившегося «преодолеть дезинтеграционные процессы» в Российской империи, становилось утверждение «административного единообразия» всех ее регионов с сохранением их «региональных особенностей и традиционных идентичностей», что обуславливало бы размытие правовой, финансовой и административной обособленности Польши²⁶. Между тем сохранение особого статуса Царства Польского в составе империи являлось важнейшей задачей политики Любецкого, у которого с Новосильцовым были очень сложные отношения, впрочем, так же как с великим князем Константином Павловичем. «Эти два неконституционных центра» имперской власти стремились влиять на внутреннюю политику польского правительства, в том числе направлять «в нужное русло» правительственные решения по финансово-экономическим вопросам; что в 1827 г. привело к сильному конфликту между великим князем и Любецким, которого поддержал министр-статс-секретарь С. Ф. Грабовский²⁷.

И это было вполне объективно, поскольку при содействии и по ходатайству Любецкого Грабовский 23 января 1822 г. был назначен министром-статс-секретарем Царства Польского и оставался на должности до 1839 г., защищая конституционно-представительные традиции местной власти от «неправомерных» распоряжений наместника, а с 1826 г. — Административного совета²⁸. 14 декабря 1825 г. Грабов-

²⁴ Дело о члене Государственного совета тайном советнике князе Друцком-Любецком. 1832–1846 гг. // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1162 (Государственная канцелярия Государственного совета). Оп. 6. Д. 186. Л. 46–73; Polski Słownik Biograficzny. T. XVII. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1972. S. 582–592.

²⁵ Правилова Е. А. Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006. С. 52–58.

²⁶ Любезников О. А. Николай Николаевич Новосильцов — государственный деятель императорской России первой трети XIX века: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013. С. 1–22.

²⁷ Mycielski M. Rząd Królestwa Polskiego wobec sejmików i zgromadzeń gminnych 1815–1830. S. 7, 14.

²⁸ Ibid. S. 241–246.

ский находился в Петербурге и был в свите императора, в день коронации Николая I (22 августа 1826 г.) произведен в дивизионные генералы, состоял при царе на театре военных действий в Русско-турецкую войну 1828–1829 гг.²⁹

Что же касается Любецкого, то его модернизационная программа в отношении Польши еще с эпохи Александра I своей основной целью имела экономическое возрождение страны, обеспечение ее финансовой независимости «как основы национального существования»³⁰. С этой программой российские власти были вынуждены соглашаться в силу нехватки финансовых средств и профессиональных чиновничьих кадров. В условиях необходимости (согласно постановлениям Венского конгресса) включения Царства Польского в европейское экономическое пространство (при хроническом дефиците его бюджета) и актуализации проблемы «содержания Польши на ее собственные деньги» министр считал необходимым прежде всего провести преобразования в бюджетной и таможенной системах, упорядочить финансово-кредитные отношения, развивать транспорт и строительную сферу. Механизмами осуществления программы определялись режим строгой экономии и жесткие методы взимания налогов и недоимок. Следует признать, что реализация программы создала условия для ликвидации бюджетного дефицита Царства Польского, учреждения по инициативе Любецкого Польского банка, рассматриваемого министром как «орудие государственной экономической политики», перехода к протекционистскому таможенному курсу³¹, поддержания внутренней торговли, финансирования и стимулирования польской промышленности. Именно на усовершенствование и укрепление промышленного потенциала Польши через привлечение европейских специалистов, а также посредством организации дешевого кредита и развития путей сообщения делал ставку Любецкий³².

В годы министерства Любецкого, игравшего особую политическую роль в административных сферах как России, так и Царства Польского, польское правительство обладало почти полной финансовой автономией, финансы управлялись без какого-либо вмешательства со стороны не только имперских властей, но и Польского сейма, на рассмотрение которого министром финансов ни разу не был представлен бюджет Польши. Одним из проявлений финансовой независимости стало заключение 9 декабря 1829 г. контракта Царства Польского на 25 лет с берлинским правительством о внешнем займе, гарантом которого выступал российский император³³.

Служебные и политические биографии других польских сановников также свидетельствуют, с одной стороны, об их лояльности в отношении имперской вла-

²⁹ Дело о службе в Государственном совете Стефана Фомича Грабовского. 1832–1842 гг. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 147. Л. 13–18.

³⁰ Обушенкова Л. А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. С. 96–98.

³¹ В 1826 г. Любецкий представил даже проект о таможенном объединении Царства Польского и России, который был демпфирован Е. Ф. Канкриним, считавшим, что это приведет к упадку российской промышленности и расцвету контрабанды на польских таможах (см.: Марней Л. П. Особенности экономического развития Королевства Польского и Российской империи в первой трети XIX в. // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2010. С. 224).

³² Аскенази Ш. Царство Польское 1815–1830 гг. С. 31–35; Szczepański J. Książę Ksawery Drucki-Lubecki. S. 135–170; Марней Л. П. Особенности экономического развития Королевства Польского и Российской империи в первой трети XIX в. С. 195–199, 221–224.

³³ Правилова Е. А. Финансы империи. С. 47–51.

сти, а с другой — о поддержке поляков не только Александром I, но и Николаем I. Так, С. А. Замойский, 17 января 1822 г. назначенный президентом Польского сената, стал «лояльным и рьяным исполнителем воли властей»³⁴. Об этом свидетельствует в том числе его позиция в деле 1827 г. об избрании в региональное собрание оппозиционера Г. Малаховского, кандидатуру которого поддерживало большинство сенаторов, а отклоняли сам Николай I и великий князь Константин Павлович. Замойский же принял сторону имперской власти, утверждая, что «воля императора должна строго соблюдаться». Это привело к «социальному бойкоту» Замойского со стороны сенаторов во время следующей парламентской сессии. Как справедливо подчеркивает М. Мыцельский, таким способом имперская власть, пытавшаяся контролировать избирательную деятельность Сената через Замойского, обостряла «нарастающий конфликт между палатой и ее президентом»³⁵. Но еще в феврале — декабре 1826 г. Замойский руководил Следственным комитетом в рамках Сейма по делу Польского патриотического общества³⁶, связанного с декабристской конспирацией и находившегося в оппозиции русскому правительству, в полной мере проводя имперскую политику.

Граф В. И. Красинский, 10 марта 1818 г. пожалованный в генерал-адъютанты к Александру I, 25 марта того же года был избран маршалом Посольской палаты Сейма, а затем, 26 мая 1821 г., назначен сенатором-воеводой Царства Польского³⁷ и стал проводником пророссийской политики в сановной среде, жестким противником сеймовой либеральной оппозиции³⁸. В день коронации Николая I (22 августа 1826 г.) граф получил чин генерала от кавалерии польской армии. На наш взгляд, во многом это обусловлено позицией Красинского во время кризиса междуцарствия, когда 2–3 декабря 1825 г. некоторые представители польской аристократии и высшего командования русских войск в Варшаве планировали заставить великого князя Константина Павловича принять престол. Красинский, будучи одним из участников заговора, предупредил Константина Павловича и тем самым предотвратил подобное развитие событий³⁹.

С созданием Царства Польского А. А. Рожнецкий 27 июля 1815 г. был назначен командующим кавалерией польской армии. Благодаря покровительству А. А. Аракчеева, великого князя Константина Павловича и Н. Н. Новосильцова весной 1817 г. он представил на имя Александра I проект создания в Варшаве и других крупных городах Польши особой политической полиции. В апреле того же года был создан

³⁴ Фалькович С. М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830) // Польша и Россия в первой трети XIX века. С. 389.

³⁵ *Mycielski M. Rząd Królestwa Polskiego wobec sejmików i zgromadzeń gminnych 1815–1830. S. 268, 295.*

³⁶ Дело о службе в Государственном совете Станислава Андреевича Замойского. 1832–1856 гг. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 198. Л. 24; *Polski Słownik Biograficzny. T. VIII. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1960. S. 512–514.*

³⁷ Дело о службе члена Государственного совета, генерал-адъютанта, генерала от кавалерии Викентия Ивановича Красинского // РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 259. Л. 21–30 об.; *Polski Słownik Biograficzny. T. XV. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970. S. 195–199.*

³⁸ *Mycielski M. Rząd Królestwa Polskiego wobec sejmików i zgromadzeń gminnych 1815–1830. S. 231, 240, 252, 264–265, 269, 281; Фалькович С. М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 342–343.*

³⁹ *Лунин М. С. Письма из Сибири / изд. подгот. И. А. Желвакова, Н. Я. Эйдельман. М., 1988. С. 285, 474–475.*

корпус жандармов под его командованием, который накануне Польского восстания насчитывал более 400 человек. Шеф польских жандармов Рожнецкий 22 августа 1826 г. получил чин генерала от кавалерии польской армии, тогда же возглавил все службы тайной полиции Царства Польского и внешнюю разведку на территории Пруссии и Австрии⁴⁰. Проводник имперской политики, он не раз подвергался критике и остракизму со стороны польской либеральной общественности⁴¹.

Сам же Николай I в начале царствования, несмотря на сложнейшие внутри- и внешнеполитические обстоятельства, стремился сохранить статус Царства Польского как особого конституционного образования, не расшатывать унию Польши с Россией. Имея информацию об указанной выше попытке «варшавского переворота» 2–3 декабря 1825 г., которая усилила его с детства идущее негативное отношение к Польше, но осознавая важность принципа легитимизма, в своем манифесте, обращенном к польским подданным при вступлении на престол, император подчеркивал: «Учреждения, данные вам блаженной памяти императором и королем Александром I, останутся без изменений. Я обещаю и клянусь Богом соблюдать Конституционную хартию»⁴².

Одним из конституционных обязательств императора являлась его коронация в качестве польского короля, которая, как справедливо подчеркивает Л. В. Высокочков, «олицетворяла собой идею унии Польши с Россией»⁴³. 12 мая 1829 г. Николай I был коронован в Варшаве. Почти через год, 16 мая 1830 г., император вновь приехал в польскую столицу и лично присутствовал при открытии очередного, четвертого Сейма, ставшего последней попыткой имперской администрации договориться с польской общественностью. В своей речи при его открытии Николай I подчеркивал необходимость «неразрывного единения» Польши с Россией, призывал поляков благоразумно пользоваться конституционными правами. Однако либеральные депутаты не торопились это делать и выступали с критикой антиконституционной, как они считали, деятельности назначаемых имперской властью министров, требовали отмены доминирования Административного совета над Сеймом и снижения налогового бремени⁴⁴. Хотя конституционное устройство Царства Польского было «инородным телом» в самодержавном строе России, а его государственно-правовая и финансовая автономия осложняла механизм управления Российской империей до восстания, Николай I все же считал необходимым сохранять основные конституционные права жителей Польши, в том числе выборность местных административных органов. Так, в инциденте с выборами депутатов от оппозиции в Калишском воеводстве, который привел к неповиновению граждан, император не принял концепцию радикального разрешения конфликта, предложенную Ю. Зайончеком и великим князем Константином Павловичем, которая выражалась в лишении всего воеводства избирательных прав и представительства в Сейме⁴⁵.

⁴⁰ Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. С. 690.

⁴¹ Фалькович С. М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 376, 417, 426.

⁴² Цит. по: Высокочков Л. В. Николай I и его эпоха. С. 382.

⁴³ Там же. С. 384.

⁴⁴ Фалькович С. М. Польское общественное движение и политика царской администрации Королевства Польского (1815–1830). С. 417–419.

⁴⁵ Mycielski M. Rząd Królestwa Polskiego wobec sejmików i zgromadzeń gminnych 1815–1830. S. 252–260.

Между тем конституционно-представительный статус Царства Польского еще в александровское царствование стал узлом противоречий, демонстрировавшим расхождение не только между полонофильской политикой Александра I и антипольскими настроениями как в консервативных, так и в либеральных кругах русского общества, но и между космополитизмом императора и национализмом поляков. Ведь, несмотря на успехи конституционного управления Польшей, идеалы польских подданных Российской империи, прежде всего представителей аристократии, оставались в рамках полной национальной независимости и восстановления Польши в границах 1772 г.⁴⁶

Еще А. А. Корнилов утверждал, что отступление Александра I от либерального курса в отношении поляков во многом произошло «под влиянием серьезного разлада с русским общественным мнением»⁴⁷. Современные исследователи подчеркивают, что истоки этого разлада лежали в «привилегированном положении поляков»⁴⁸ и обещаниях Александра I расширить территорию конституционной Польши за счет присоединения к ней земель Литвы, Западной Белоруссии и Украины⁴⁹. В 1815 г. Т. Костюшко писал А. А. Чарторыйскому, что «обещание, данное императором мне и многим другим относительно возвращения нашего отечества на Двину и Днепр — давних границ Польского королевства — не представляет другой гарантии, кроме наших желаний»⁵⁰.

Однако антипольские настроения в русском обществе, общественные устремления на сохранение территориальных приобретений Российской империи, как справедливо подчеркивает Л. М. Аржакова со ссылкой на П. А. Вяземского, до 1820-х гг. представляли собой лишь недовольство сложившейся ситуацией и не имели еще «племенной вражды»⁵¹.

В конце царствования Александра I усиливаются антирусские настроения в Польше и полонофобские в России. Нарастание польско-русского антагонизма, связанного с ужесточением польской политики и унижением русского национального достоинства, подготовило почву для противостояния 1830–1831 гг., носящего характер межнационального столкновения. Здесь нельзя не присоединиться к идее Ш. Аскенази, поддержанной Т. Н. Жуковской, о том, что противоречия политического развития конституционной Польши, изломы ее взаимоотношений с имперским центром в Польском восстании играли подчиненную роль, а главным был «национальный конфликт, сфокусированный для поляков на проблеме забранных территорий»⁵². Накануне Ноябрьского восстания известный униатский деятель И. Семашко доводил до сведения управляющего духовными делами иностранных исповеданий Д. Н. Блудова, что польские подданные мечтают о том, «чтобы восемь

⁴⁶ Поливектов М. А. Николай I. С. 128.

⁴⁷ Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX века. С. 30.

⁴⁸ Аржакова Л. М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. С. 52.

⁴⁹ Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. С. 90.

⁵⁰ Генерал Костюшко князю Адаму Чарторыйскому. Вена 1815. Пер. с польского // Русская старина. 1882. Т. XXXV. № 7 (Июль). С. 141–142.

⁵¹ Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 291–292; Аржакова Л. М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. С. 52.

⁵² Аскенази Ш. Царство Польское. 1815–1830. С. 182; Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. С. 90.

русских губерний были некоторым образом колониями маленького Польского государства»⁵³.

17 ноября 1830 г. в Варшаве вспыхнуло восстание. Разочаровавшись в надеждах на добровольное восстановление польской государственности и воссоединение западных губерний с Польшей, сторонники национальной идеи, наложившейся на освободительную идеологию, вступили на путь полного революционного разрыва с Россией. При этом пропаганда идей Французской революции 1830 г., надежда на поддержку революционной Франции, информация о военных приготовлениях в России для подавления восстания в Бельгии и намерении Николая I использовать для этого польскую армию послужили последним толчком к восстанию в Варшаве. В ночь с 17 на 18 ноября наиболее радикальная часть восставших под руководством членов тайного Общества подхорунжих во главе с П. Высоцким захватила одновременно Бельведерский дворец (резиденцию великого князя Константина Павловича) и арсенал. Будучи предупрежден женой, княгиней Ж. А. Лович, Константин Павлович успел покинуть дворец и выехать из Варшавы. В результате мятежа в польской столице были убиты варшавский обер-полицмейстер Ф. К. Любовицкий, военный министр М. Гауке, несколько польских генералов и русский генерал А. А. Жандр. В течение суток восстание охватило всю Польшу⁵⁴.

В 2 часа ночи 18 ноября 1830 г. князь К. Ф. Друцкий-Любецкий и князь А. А. Чарторыйский приехали на переговоры к великому князю Константину Павловичу. Стремясь спасти положение и остановить революционный процесс, они решили через него обратиться к имперскому правительству. Как подчеркивал М. А. Полиевктов, стало известно, что великий князь согласился ходатайствовать перед Николаем I о сохранении Конституционной хартии 1815 г., присоединении к Царству Польскому ее бывших земель или введении на них «польских национальных учреждений», а также амнистии для мятежников.⁵⁵ Согласно данным польских ученых С. Барзыковского и Е. Щепаньского, целью миссии польских князей было «заставить великого князя вернуться в Варшаву и обуздать беспорядки». Однако Константин Павлович принял их «холодно и плохо», а в конце разговора сказал: «Я не хочу вмешиваться в то, что меня не касается; это обязанность поляков: успокоить движение, которое они сами начали!»⁵⁶ По сведениям Л. В. Выскочкова, Любецкий один вел переговоры, пытаясь убедить Константина Павловича «подавить восстание в самом начале силой оружия», но безуспешно. Великий князь не считал подобный ход событий возможным, заявляя, что «не желает вмешиваться в эту польскую драку»⁵⁷. По мнению Е. Щепаньского, в критические часы первой ночи мятежа, когда у движения не было лидера, а большая часть польских войск «была рядом с Константином», великий князь своим «загадочным и неясным» поведением «спас восстание своей пассивностью»⁵⁸.

⁵³ Цит. по: Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики. С. 18.

⁵⁴ Полиевктов М. А. Николай I. С. 128; *Szczeпаński J. Książę Ksawery Drucki-Lubecki*. S. 175; Выскочков Л. В. Николай I и его эпоха. С. 386–387.

⁵⁵ Полиевктов. М. А. Николай I. С. 128–129.

⁵⁶ *Barzykowski S. Historia powstania listopadowego: v 2 t. T. 1. Poznań, 1883. S. 327–328; Szczeпаński J. Książę Ksawery Drucki-Lubecki*. S. 176.

⁵⁷ Выскочков Л. В. Николай I и его эпоха. С. 387.

⁵⁸ *Szczeпаński J. Książę Ksawery Drucki-Lubecki*. S. 176.

Между тем эскалация повстанческого движения заставила великого князя принять решение покинуть пределы Польши и вывести из нее российские войска. После отъезда Константина Павловича, 23 ноября 1830 г. было создано Временное правительство под председательством А. А. Чарторыйского, в состав которого вошел Любецкий, а затем власть перешла к популярному в польской армии генералу Ю. Хлопицкому, объявившему 5 декабря себя диктатором. Следует подчеркнуть, что в начале восстания Хлопицкий отказался присоединиться к восставшим и только под влиянием Любецкого и Чарторыйского возглавил повстанческое правительство. В своих мемуарах о Польской войне Д. В. Давыдов писал: «Очевидно было, что диктатор, ожидавший со стороны России единства в усилиях и не надевавшийся на счастливый исход восстания, думал спасти свое отечество, не прибегая к оружию»⁵⁹. Одним из первых мероприятий диктатора была отправка 10 декабря в Петербург делегации в составе князя Любецкого и графа С. Д. Езерского для переговоров с Николаем I. Хлопицким совместно с Чарторыйским была разработана особая «Инструкция», в которой говорилось, что польское правительство готово пойти на уступки при точном соблюдении имперской властью Конституционной хартии 1815 г., ее распространении на Литву, Волынь, Подолию и Украину, созыве 1 мая 1831 г. Сейма, на котором будут представлены депутаты не только от Царства Польского, но и указанных западных губерний, сохранении польской армии и введении всеобщей амнистии⁶⁰. 25 декабря 1830 г. делегация прибыла в Петербург.

26 декабря 1830 г. Николай I принял посланцев неофициально и раздельно. Существует две версии встречи императора с депутатами Временного правительства. По первой версии, основанной на воспоминаниях А. Х. Бенкендорфа, поскольку для Николая I любые требования поляков были неприемлемыми, то он, не собираясь их даже обсуждать, принял князя Любецкого «в качестве своего министра», а Езерского как «путешественника». Во время аудиенции князю, по словам присутствующего на ней Бенкендорфа, император «много и очень строго говорил о варшавских мерзостях и не допустил Любецкого произнести ни слова касательно его миссии... и велел остаться в Петербурге»⁶¹. В разговоре же с Езерским император потребовал «безоговорочного подчинения поляков», приказал графу вернуться в Варшаву и передать польскому правительству его «письменное уведомление», в котором, стремясь остановить войну Польши с Россией, утверждал, что «первый пушечный выстрел, сделанный поляками, убьет Польшу». Возвратившийся в Варшаву в январе 1831 г. Езерский передал послание императора. 13 января того же года Сейм принял решение о детронизации Николая I и освобождении поляков от присяги. Это освободило и Николая I от конституционных обязательств 1815 г. и позволило считать поляков врагами. Притязания мятежников на западные русские земли дали ему основания утверждать, что они «восстали не ради сохранения Хартии 1815 г., а ради захвата русских губерний»⁶².

⁵⁹ Давыдов Д. В. Записки партизана Дениса Давыдова. Воспоминания о польской войне 1831 года // Русская старина. 1872. Т. VI. С. 22.

⁶⁰ *Szczepański J. Książę Ksawery Drucki-Lubecki*. S. 190.

⁶¹ Портфель графа А. Х. Бенкендорфа. Мемуары шефа жандармов // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 353; Вискочков Л. В. Николай I и его эпоха. С. 388.

⁶² Вискочков Л. В. Николай I и его эпоха. С. 390.

Согласно второй версии, на аудиенции Любецкому в 12 часов дня в Зимнем дворце, на которой присутствовали великий князь Михаил Павлович, К. В. Несельроде, П. А. Толстой, И. И. Дибич и министр-статс-секретарь С. Ф. Грабовский, император спросил князя о цели его приезда в Петербург. Любецкий отвечал, что приехал «исполнить поручение», которое ему дало Временное правительство, полагавшее важным, чтобы «личный свидетель» дал отчет императору о «революции в Варшаве», объяснил положение дел в Польше и рассказал о тех мерах, которые правительство «считает должным принять в этих важных и кровавых событиях». Далее князь подробно рассказал обо всем, что случилось, начиная с ночи 17 ноября, акцентируя внимание Николая I на создании Временного правительства, в которое вошли лица, популярные в обществе и армии, что могло «способствовать остановке движения и обуздать его». Любецкий подчеркивал, что еще до его создания по решению Административного совета он совместно с Чарторыйским вел переговоры с великим князем Константином Павловичем «на бивуаке вблизи Бельведерского дворца, призывая его встать во главе Совета и принять меры для водворения порядка». Однако великий князь отказался от предложения, сказав, что он «не будет вмешиваться в дело и не даст действовать войскам, которые к нему присоединились». На что Николай I заметил: «Мой брат вполне хорошо сделал. Инструкция покойного императора Александра запрещала ему в случае мятежа заставлять русские войска стрелять в поляков». Любецкий же, далее рассказывая о приходе к власти Хлопицкого, подчеркнул, что когда он и Чарторыйский призывали генерала «встать во главе вооруженной армии», то тот согласился с условием, что «все данные власти будут от имени короля Николая». В своем рассказе императору Любецкий упомянул и об антиповстанческой позиции графа С. А. Замойского и генерала В. И. Красинского, которых «толпа требовала выдать». Главным же был вопрос императора, обращенный к Любецкому «о причине революции и почему возникли неудовольствия у нации против правительства». Князь отвечал, что обвинения касались деятельности Сейма, Административного совета, «беспорядков, злоупотреблений, взяточничества в администрации варшавского муниципалитета» и нарушения конституции со стороны окружения великого князя Константина Павловича. В этом — «причины общего недовольства». На что Николай I возложил «личную ответственность за все» на самого Любецкого, который, по мнению императора, как член Административного совета должен был «протестовать против того, что считал незаконным». Не забыл император и о западных губерниях, спросив, что означает «намерение видеть прежние польские провинции присоединенными к Польше». Князь заметил, что это не требование Временного правительства, а «надежда, которую питает нация» и которую они посчитали важным донести до императора. Затем Любецкий передал Николаю I письмо от генерала Хлопицкого с изложением предложений Временного правительства. Когда же император спросил князя, не желает ли он что-то еще добавить, то князь ответил: «Государь, в нации господствует *idée fixe*, она опасается, что хотят воспользоваться этим мятежом, чтобы отнять у нее Хартию». Повернувшись к графу И. И. Дибичу, Николай I произнес: «Так значит война. Маршал, немедленно отправляйтесь!»⁶³

⁶³ Разговор Николая I с князем Любецким накануне польской войны 1830 года // Исторический вестник. 1909. Июнь. № 6. С. 1098–1101; *Szczepański J. Książę Ksawery Drucki-Lubecki*. S. 194–195.

«Польская революция» была воспринята Николаем I как продолжение революционного процесса, начавшегося революцией во Франции и восстанием в Бельгии в 1830 г. В собственноручной записке о Польше российский император сокрушенно констатировал: «Раз удар был нанесен, пример дан, трудно предположить, чтобы во времена смуты и всеобщего брожения эти превратные представления не будут и далее давать ростки, несмотря на имеющийся опыт заблуждений и их губительные последствия»⁶⁴. Подобное восприятие было «подогрето» доносами М. Л. Магницкого и А. Б. Голицына об иллюминатах в России, которые царь получал 28 февраля — 3 марта 1831 г., т. е. в самый разгар Польской кампании. В доносах доказывалось, что «все революционные события в Европе от Французской революции до Польского мятежа — реализация всеевропейского заговора революционеров». По мнению доносителей, «те же самые силы, которые произвели Французскую революцию, ныне, почти через полвека, управляют разумом европейского мятежа»⁶⁵. Сам же Николай I, позже анализируя события 1830-х гг. в Европе, подчеркивал влияние Июльской революции во Франции и восстания в Бельгии на события в Польше: «Польша вздумала последовать их примеру; с Божьего соизволения Россия подала пример сопротивления. За эту попытку Польша заплатила своим существованием»⁶⁶. Еще во время военных действий император, обдумывая будущую судьбу Царства Польского, даже склонялся к отказу от части приобретенных по Акту Венского конгресса владений с сохранением за Российской империей только земель до Вислы и Буга с предоставлением остальных территорий Австрии и Пруссии. Однако опасения берлинского и венского дворов, что их собственные польские земли последуют примеру Польши, не дали реализоваться предложениям Николая I. В 1833 и 1835 гг. были заключены конвенции между Россией, Австрией и Пруссией о «взаимной гарантии польских владений»⁶⁷.

Между тем не только Любецкий, но и другие представители польской аристократии, о которых идет речь в данной статье, также не приняли революционную парадигму. В начале польских событий сценарий их политического поведения был почти идентичен. Граф Грабовский как министр-статс-секретарь во время восстания находился в российской столице. Граф Замойский уже в ноябре 1830 г. выехал в Петербург. Генерал граф Красинский в декабре 1830 г. бежал в Пруссию, а в январе 1831 г. прибыл в Санкт-Петербург. Генерал Рожнецкий вместе с великим князем Константином Павловичем и его штабом бежал из Варшавы и в январе 1831 г. также оказался в столице Российской империи⁶⁸.

Что же касается служебной и политической биографии Любецкого, то хотя после неудачных переговоров с Николаем I он был уволен от должности министра

⁶⁴ Цит. по: Собственноручная записка императора Николая I о Польше. Копия. Пер. с фр. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 380 (М. А. Корф). Оп. 1. Д. 53. Л. 1–4 об.

⁶⁵ Письма на Высочайшее имя и записки Михаила Магницкого об иллюминатах. 3–28 февраля 1831 года // Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Ф. 115 (Коллекция рукописных книг). Оп. 1. Д. 219. Л. 17–27 об.; Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 627–641.

⁶⁶ Записка Николая I о положении дел в Европе. 1848 г. // Красный архив. 1938. Т. 4–5. С. 160.

⁶⁷ *Полиевктов. М. А.* Николай I. С. 134–135.

⁶⁸ *Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи. С. 236, 327, 406, 690.

финансов Царства Польского, но до своей кончины 11 мая 1846 г. жил в Петербурге, «исполняя здесь Высочайшие поручения»⁶⁹. До восстания он приезжал в имперскую столицу только по служебной надобности, последняя поездка относится к декабрю 1829 г. — маю 1830 г.⁷⁰ Теперь же повеление Николая I — «оставайтесь в Санкт-Петербурге» — им строго выполнялось. В период Польской кампании, по словам Е. Щепаньского, «оставаясь в позоре у императора», Любецкий находился под домашним арестом⁷¹. Однако уже с 1832 г. его социальный статус стал меняться: из «заложника» Николая I он превращался в российского государственного деятеля, члена Государственного совета, ставшего основным местом его служебной деятельности. Согласно характеристике М. А. Корфа, «чрезвычайно интересный» Любецкий, стоящий «в первой шеренге» советников «по быстрому и объемлющему уму, по трудолюбию, усердию, практическому навыку в делах... по благонамеренности своей к пользам России», был «главным оппонентом» Е. Ф. Канкрин не только в Совете, но и в целом касательно системы финансовых мер, принимаемых министром финансов, осуждая его «финансовое управление и по началам, и по результатам»⁷². Один из наиболее компетентных специалистов в области финансово-экономической политики, Любецкий играл «главную роль застрельщика» многих проективных инициатив не только в Общем собрании Государственного совета, где с 1837 г. он постоянно присутствовал и выступал с «особыми мнениями», но и в его комитетах по финансовой части, членом которых являлся, а также в Департаментах законов и государственной экономии, куда его постоянно приглашали или командировали⁷³. В 1839 г. именно Любецкий поставил на Общем собрании вопрос об уничтожении лажа. И хотя в результате его многочисленных обсуждений в Совете доминировала позиция министра финансов, поддержанная Николаем I, советники «отдавали справедливость трудам, деятельности и добрым намерениям» Любецкого⁷⁴. В 1841 г. князь представил на Высочайшее имя проект реформирования кредитной части и инициировал создание Комитета о средствах к покрытию дефицита в бюджете. По повелению Николая I в 1840–1843 гг. Любецким было подготовлено еще несколько преобразовательных проектов, посвященных усовершенствованию финансовой системы России. 3 мая 1843 г. он имел аудиенцию императора⁷⁵.

Необходимо отметить, что еще 14 февраля 1832 г. Любецкий был назначен членом особого Департамента дел Царства Польского, состоявшего при Государственном совете. Институт временных высших территориальных комитетов и особых

⁶⁹ Дело о члене Государственного совета тайном советнике князе Друцком-Любецком. Л. 84.

⁷⁰ *Bazyłow L. Polacy w Peterburgu*. S. 132–135.

⁷¹ *Szczepański J. Książę Ksawery Drucki-Lubecki (1778–1846)*. S. 214.

⁷² *Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг.* М., 2010. С. 123, 142, 262.

⁷³ По мнению князя Друцкого-Любецкого о возвышении доходов. 1833 г. // РГИА. Ф. 1152 (Департамент государственной экономии Государственного совета). Оп. 1. Д. 16. Л. 1–7 об.; *Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I*. С. 165.

⁷⁴ *Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг.* С. 330, 382–384, 390, 398; *Корф М. А. Император Николай I в совещательных собраниях // Сборник ИРИО*. Т. 98. СПб., 1896. С. 128–207.

⁷⁵ Записка Друцкого-Любецкого о денежной реформе. 8 декабря 1840 г. // РГИА. Ф. 651 (Васильчиковы). Оп. 1. Д. 229. Л. 1–140; Записки и письма кн. Друцкого-Любецкого Николаю I о состоянии и мерах улучшения финансов России. 1840–1843 гг. // Там же. Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов). Оп. 22. Д. 101. Л. 1–212; О представлении К. Ф. Друцкого-Любецкого Николаю I. 23 мая 1843 г. // Там же. Ф. 472 (Кабинет ЕИВ). Оп. 33. Д. 15. Л. 1–8.

департаментов при Совете, являясь инструментом управления отдельными регионами и механизмом формирования новой имперской политики, стал использоваться Николаем I со второй половины 1820-х — начала 1830-х гг. В результате созданы первый Сибирский комитет (1827–1838), Комитет Западных губерний (1831–1848), Кавказский комитет (1833–1882). М. А. Корф подчеркивал, что высшие комитеты имели совсем иной, неофициальный статус по сравнению с другими учреждениями Совета: «Они имели вид домашних совещаний монарха с теми из сановников, которых он назначал и призывал перед себя особо по каждому делу. Для этих комитетов не существовало ни определенного единожды навсегда однообразного состава, ни установленных форм и обрядов. В них не было ни канцелярского производства, ни даже канцелярии; не составлялось и настоящих журналов, которые подписывались бы всеми членами, а велся обыкновенно только род мемории или журнальной записки, по прочтении и одобрении которой, государем результаты изложенного в ней сообщались, кому следовало к исполнению в виде непосредственных Высочайших повелений»⁷⁶.

Особое положение данных учреждений, имевших совещательные и, в определенной мере, распорядительные функции по гражданским делам на подвластной им территории, их независимость от других ведомств и отсутствие необходимости бюрократического согласования создавали условия для оперативного решения поставленных перед ними задач.

В этом смысле правы А. В. Ремнев и И. В. Ружицкая, которые указывают на выделение комитетов «из системы общегосударственных учреждений — Государственного совета и Комитета министров» и связывают данный факт «с особым характером управления определенными территориями, как на местном, так и на центральном уровне». Причем И. В. Ружицкая справедливо подчеркивает, что Комитет по делам Царства Польского стоит «особняком среди других территориальных комитетов» в системе государственных учреждений империи и его можно отнести к разряду «высших совещательных учреждений»⁷⁷.

Самый близким названному Комитету по времени создания и целям деятельности был Комитет Западных губерний, созданный 14 сентября 1831 г. Польское восстание, охватившее часть Западных губерний, предопределило их переход на положение обычной окраинной провинции России, введение в них общероссийских структур управления и законов. При этом имперское правительство, осознавая опасность крайних мер и жесткого подхода, стремилось создать для данных губерний особые условия и порядки с учетом местной специфики, политических настроений населения, его вероисповедной принадлежности⁷⁸.

Так же как и создание Комитета Западных губерний, учреждение Комитета по делам Царства Польского при Государственном совете (1831–1841) было обусловлено Ноябрьским восстанием 1830–1831 гг. Польско-российское военное столкновение, разрушившее привычную систему отношений центра и западной

⁷⁶ Корф М. А. Император Николай I в совещательных собраниях. С. 123.

⁷⁷ Ремнев А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX века). М., 2010. С. 253; Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I. С. 278.

⁷⁸ Вибе И. Н. Вероисповедная политика самодержавия в Западном крае (1830–1855): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009; Журналы Комитета Западных губерний. Т. 1. 1831–1835 гг. / изд. подгот. Т. В. Андреева, И. Н. Вибе, Б. П. Миловидов, Д. Н. Шилов. СПб., 2017. С. 17, 25.

окраины, обусловило необходимость институциональной интеграции Польши в состав Российской империи. Разработка и реализация программного документа по сближению Царства Польского с остальной Россией была поручена Комитету, одной из важнейших задач деятельности которого определялось формирование гарантий невозможности повторения революционных событий 1830–1831 гг. Созданный 17 августа 1831 г., то есть в период завершения Польской кампании, он являлся в большей степени не территориальным, а высшим совещательным органом, не имевшим «официальной гласности» и независимым от властных структур Польши. В его состав назначались видные сановники Российской империи: председатель Государственного совета и Комитета министров В. П. Кочубей (председатель), наместник Царства Польского И. Ф. Паскевич, члены Государственного совета И. В. Васильчиков, А. Н. Голицын, П. А. Толстой, министры Е. Ф. Канкрин, К. А. Нессельроде, А. И. Чернышев, главный делегат при Правительственном совете Царства Польского и советник Н. Н. Новосильцов (с 1834 г. председатель), советники и статс-секретари Д. Н. Блудов, Д. В. Дашков, Ф. И. Энгель. Делопроизводство Комитета было поручено М. А. Корфу, которого 24 мая 1832 г. сменил князь А. Ф. Голицын⁷⁹.

Работа секретным порядком над созданием программного документа, получившего в литературе название Органического закона или Органического статута, происходила в Петербурге с 24 октября 1831 г. по февраль 1832 г. исключительно в рамках данного Комитета⁸⁰. Велась переписка и формировалась преобразовательная программа, находившая выражение в записках и проектах членов Комитета, — «о Высочайшей грамоте о новом порядке управления и образования Царства Польского», об учреждении Государственного совета, Совета управления, правительственных комиссий в Царстве Польском⁸¹. Помимо этого, Комитет в качестве последней инстанции утверждал приговоры Верховного уголовного суда в Варшаве, а в 1831–1834 гг. рассматривал важнейшие социально-политические, финансово-экономические, юридические вопросы, связанные с Польским восстанием. По повелению Николая I, осознававшего, что репрессии должны быть выборочными и обращенными только на участников восстания, Комитет подготавливал проект манифеста об амнистии для жителей Царства Польского от 20 октября 1831 г., а также обсуждал мероприятия по оказанию помощи жителям Польши, пострадавшим от мятежа. Одно из дел 1831 г. было посвящено «вознаграждению генерала от кавалерии Рожнецкого за убытки, понесенные им от разорения мятежниками имения м. Калушина». Важнейшими предметами рассмотрения Комитетом являлись бюджет Польши на 1832–1834 гг. и «приведение финансовых дел Царства Польского в связь с Министерством финансов империи». Комитет разрабатывал проекты «нового устройства» Суда верхней инстанции (кассационного суда), расформирования «бывшей польской армии и введения нового порядка отправления рекрутской повинности польских подданных», предоставления польским дворянам прав

⁷⁹ Об учреждении Комитета по делам Царства Польского. 17 августа 1831 г // Опись дел Архива Государственного совета: в 20 т. Т. 16: Дела Государственного совета и государственной канцелярии с 1807 года по 1910 год. СПб., 1912. С. 112.

⁸⁰ Эштейн Э. Е. Комитет по делам Царства Польского при Государственном Совете. С. 5; Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I. С. 278.

⁸¹ Опись дел Архива Государственного совета. Т. 16. С. 113, 118.

российского дворянства, утверждения паритета на данной территории польской и российской монетных систем. В делах Комитета также отложились объемные донесения генерал-адъютанта графа В. И. Красинского Николаю I и И. Ф. Паскевичу за 1831–1832 гг. «о положении Царства Польского и о мерах к его упорядочению» с маргиналиями императора⁸².

В состав Комитета по должности 17 августа 1831 г. был введен министр-статс-секретарь С. Ф. Грабовский, который, однако, как пишет И. В. Ружицкая, на заседаниях почти постоянно отсутствовал «в силу преклонных лет» и постоянного нахождения в своем польском имении. Участие И. Л. Туркула, сменившего Грабовского 6 декабря 1839 г. на этом посту, также не оставило заметного следа в деятельности Комитета. Оба министра-статс-секретаря, как подчеркивает исследователь, не сыграли «заметной роли в выработке политики имперской власти по инкорпорации Царства в государственно-правовое пространство Российской империи»⁸³.

В связи с этим возникает проблема участия К. Ф. Друцкого-Любецкого в создании Органического статута. В материалах Комитета есть дело под названием «По предположениям тайного советника князя Друцкого-Любецкого о преобразованиях по управлению Царства Польского»⁸⁴, но оно относится к 16 февраля — 30 марта 1833 г., то есть ко времени, когда Органический статут был уже обнародован. Как подчеркивает Е. Щепаньский, не соглашающийся с классическим тезисом польского биографического словаря об активном участии князя в создании статута, официальные документы свидетельствуют, что «Любецкий не проявлял никакой активности в этой области». Его переписка по данному вопросу с министром-статс-секретарем Грабовским относится к концу декабря 1832 г. И хотя, как считает польский историк, Любецкий «был инструментально использован в работах, меняющих статус Королевства Польского», император не желал, чтобы инициатива исходила именно от Любецкого⁸⁵.

14 февраля 1832 г. Николаем I на законодательном уровне был принят манифест «О новом порядке управления и образования Царства Польского», опубликованный Правительствующим Сенатом 24 марта 1832 г. В нем от имени российского императора определялась главная цель данного законодательного акта: «Чтобы Царство Польское, имея особое, соответствующее потребностям его управление, не переставало быть нераздельной частью империи Нашей и чтобы отныне жители оною составляли с Россиянами единый народ согласных братий, Мы на сих основаниях начертали и постановили в особой, в сей же день изданной, Грамоте новый порядок управления и образования Нашего Царства Польского»⁸⁶. В «Высочайшей грамоте» (или Органическом статуте), которая находилась внутри манифеста и формально не отменяла Конституционную хартию 1815 г.⁸⁷, утверждался новый порядок управления Царством Польским. Согласно положению «О главном и местном управлении» Грамоты, утверждалось, что государственное управление

⁸² Там же. С. 113, 116, 117, 119.

⁸³ Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I. С. 280.

⁸⁴ Опись дел Архива Государственного совета. Т. 16. С. 119.

⁸⁵ *Szczerpański J. Książę Ksawery Drucki-Lubecki*. S. 216–218.

⁸⁶ Манифест от 14 февраля 1832 г. «О новом порядке управления и образования Царства Польского» // ПСЗ-II. Т. VII. № 5165. С. 84.

⁸⁷ Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики. С. 158; Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I. С. 281.

в регионе переходит к Совету управления, или Административному совету, во главе с наместником. При этом Совет, включавший директоров правительственных отраслевых комиссий (министерства были упразднены) внутренних и духовных дел, народного просвещения, юстиции, финансов, казначейства и главного контролера, назначаемых императором, состоял как из польских, так и из российских сановников. Вместо Сейма учреждался Государственный совет с законосовещательными полномочиями под председательством наместника, включавший членов Совета управления и назначаемых императором государственных советников. Важнейшей прерогативой Совета, тождественной с полномочиями имперского Государственного совета, было «рассмотрение и составление проектов новых законов, относящихся к общему управлению Царства» и решение юридических и финансовых дел, выходящих за пределы компетенции Совета управления. Административно-территориальное деление и местное управление оставались в прежнем виде: во главе восьми воеводств стояли комиссии, состоящие из председателя и комиссаров, назначаемых правительственными комиссиями. В городах и местечках местное управление сохранялось за избираемыми городскими и сельскими обществами бургомистрами и войтами⁸⁸.

Таким образом, необходимость сохранения социального мира в регионе и важность обеспечения имперскому центру лояльности его жителей предопределили формирование особой модели управления Царством Польским, введившей систему абсолютно-монархического правления и бюрократической централизации с учетом польской национальной специфики и сохранением местного самоуправления. Как писал А. А. Корнилов, «если бы Статут был введен в действие, то Царство Польское и в роли провинции сохраняло бы значительные преимущества в сравнении с остальными областями Российской империи, которые не пользовались в то время никакими политическими правами и не имели в сущности никакого самоуправления»⁸⁹. Однако после очередного витка заговоров в 1835 г. главным направлением имперской политики определялось уже не сближение, а уравнивание статуса и управления Польшей с остальными частями империи. В 1837 г. воеводства были заменены на губернии, подчинение и организация которых соответствовали общероссийскому стандарту, то есть губернскому правлению и губернаторам; в 1841 г. упразднен Государственный совет Царства Польского, делопроизводство в канцеляриях стало вестись на русском языке. К этому времени Комитет по польским делам потерял свое былое значение в связи с усилением власти и влияния наместника И. Ф. Паскевича. Выполнив свою главную миссию — подготовив Органический статут, в 1841 г. Комитет прекратил свое существование (точная дата его ликвидации не установлена).

Согласно Органическому статуту, в день его законодательного утверждения (14 февраля 1832 г.) был создан особый Департамент дел Царства Польского при имперском Государственном совете, просуществовавший до 1 января 1862 г. Поскольку инкорпорационная программа была направлена на объединение Царства Польского с Российской империей не только в административном, финансовом, социально-экономическом, юридическом, но прежде всего в законодательном от-

⁸⁸ Манифест от 14 февраля 1832 г. «О новом порядке управления и образования Царства Польского». Ст. 1–4; 15–41; *Ружицкая И. В.* Государственный совет при Николае I. С. 282.

⁸⁹ *Корнилов А. А.* Русская политика в Польше со времен разделов до начала XX века. С. 33.

ношении, то для рассмотрения законопроектов, касавшихся польских дел и их адаптации к общеимперским постановлениям, была необходима высшая совещательная инстанция по вопросам законодательства. Вопрос об учреждении Департамента рассматривался еще в конце 1831 г. в Комитете по делам Царства Польского в контексте новой модели его управления и составе дел о проектах создания Государственного совета Царства Польского, Совета управления и правительственных комиссий. В статье 31 «Высочайшей грамоты» или Органического статута утверждалось, что «дела законодательства и другие особенной важности предположения по Царству Польскому, кои, как считал император, должны быть предварительно и тщательно соображены с существующими в других частях империи постановлениями и общими оной пользами... будут вносимы в Российский Государственный совет». Для этого «учреждается в оном, особый Департамент дел Царства Польского», в котором должны присутствовать по назначению императора члены из подданных империи и Царства Польского⁹⁰. Именным указом Государственному совету от 14 февраля 1832 г. в Департамент назначались И. Ф. Паскевич (председатель), Н. Н. Новосильцов, Ф. И. Энгель, а также — князь К. Ф. Друцкий-Любецкий, графы С. Ф. Грабовский, С. А. Замойский, В. И. Красинский, генерал А. А. Рожнецкий⁹¹. С 6 января 1835 г. в состав Департамента вошел и М. М. Сперанский. Следует подчеркнуть, что, вероятно, с законодательной деятельностью польского Департамента было связано с 1836 г. сотрудничество Любецкого, работавшего над созданием свода польских законов, со Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (СВИВК) под руководством Сперанского⁹².

16 декабря 1839 г. членом Департамента был назначен И. Л. Туркул. *Игнатий Лаврентьевич Туркул* (1798–1856) в административную сферу вошел еще в царствование Александра I, когда 12 мая 1818 г. был назначен вице-реферндариумом Правительственной комиссии финансов и казначейства Царства Польского. В 1833–1838 гг. в качестве товарища министра-статс-секретаря Туркул не раз замещал Грабовского, а 12 декабря 1839 г. был назначен министром-статс-секретарем Царства Польского⁹³. По данным И. В. Ружицкой, со ссылкой на поздний дневник М. А. Корфа, хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации, Туркул и в Департаменте бездействовал. Как подчеркивал Корф, «Туркул почти всю жизнь в Варшаве, и оттого некому подписывать журналы, случающиеся, впрочем, всего раз пять в году!»⁹⁴. Однако еще ранее Туркул возглавил Подготовительный комитет для ревизии и составления законов Царства Польского, созданный 12 мая 1833 г. Общее руководство работой данного Комитета до 1839 г. осуществлялось М. М. Сперанским, а после его смерти — главноуправляющим Вторым отделением СВИВК Д. Н. Блудовым. Комитет, с 30 апреля 1842 г. получивший название Кодификационной комиссии Царства Польского (1833–1861 гг.), должен был подготовить проекты Кодекса гражданского, Устава гражданского судопроизводства, Кодекса законов уголовных, Кодекса коммерческого, Положения об устройстве судов

⁹⁰ Манифест от 14 февраля 1832 г. «О новом порядке управления и образования Царства Польского». Ст. 31.

⁹¹ ПСЗ-II. Т. VII. № 5166.

⁹² Письмо К. Ф. Друцкого-Любецкого к М. М. Сперанскому. 31 марта 1838 г. // ОР РНБ. Ф. 731 (М. М. Сперанский). Д. 2067. Л. 1–1 об.

⁹³ Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. С. 808–809.

⁹⁴ Цит. по: Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I. С. 280.

и Свода административных законов. Разрабатываемые членами Комитета проекты вначале поступали к Сперанскому (с 1839 г. Блудову), а затем для согласования с местными условиями и законодательством вносились в Департамент дел Царства Польского⁹⁵.

Между тем параллельная деятельность созданных почти одновременно в конце 1831 — начале 1832 г. двух высших совещательных органов по польским делам при Государственном совете потребовала определения их официального статуса в структуре высших учреждений империи и четкого разграничения компетенций. К 14 мая 1834 г. относится Высочайше утвержденная всеподданнейшая записка В. П. Кочубея «О разграничении функций Комитета по делам Царства Польского от функций Департамента дел Царства Польского и министра-статс-секретаря», в которой подчеркивалось, что Комитет должен рассматривать: «а) предметы, кои относятся собственно к основным видам Грамоты, высочайше дарованной Царству Польскому, а именно — к теснейшему незыблемому соединению края с империей; б) предположения по устройству Царства Польского на будущее время, которые еще не рассматривались в Совете управления или Государственном совете Царства и которые вносятся Комитетом на Высочайшее усмотрение». В то же время «законодательные предметы, требующие соображения с существующими в империи постановлениями» должны обсуждаться, но только с санкции императора, в Департаменте⁹⁶.

К 18 мая 1834 г. относится другой документ — «Распределение дел, поступающих от наместника Царства Польского между Комитетом по делам Царства и Польским Департаментом Совета»⁹⁷, свидетельствующий о реализации основных положений записки Кочубея. Прежде всего это касалось Департамента дел Царства Польского, которому был определен особый статус в системе комитетов и департаментов, существовавших при имперском Государственном совете. Его дела находились вне компетенции государственного секретаря, делопроизводством занимался член данного Департамента, исполнявший обязанности его председателя во время отсутствия И. Ф. Паскевича, действительный тайный советник Ф. И. Энгель. Окончательные решения Департамента должны были подноситься Николаю I не в мемориях, а в подлинных журналах. Дела Департамента не поступали в Общее собрание Государственного совета, как это было установлено в деятельности других департаментов. Только с 1837 г., после смерти Энгеля, чиновники и делопроизводство Департамента были введены «в общее устройство прочих департаментов Совета» и перешли под надзор государственного секретаря. В начале 1840-х гг. подлинные журналы были заменены мемориями, а дела Департамента по общему порядку стали поступать в Общее собрание Государственного совета⁹⁸. При этом, согласно «Высочайше утвержденному Учреждению Государственного совета и государственной канцелярии от 15 апреля 1842 г.», не все «предметы», рассматриваемые Департаментом, поступали в Собрание, а только те, «о коих последует особое

⁹⁵ Кодификационная комиссия Царства Польского (1833–1861). Ф. 1254. 1810–1868 гг. 287 д. // Российский государственный исторический архив. Путеводитель: в 4 т. Т. II. СПб., 2013. С. 525.

⁹⁶ Цит. по: Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I. С. 283; Опись дел Архива Государственного совета. Т. 16. С. 121.

⁹⁷ Опись дел Архива Государственного совета. Т. 16. С. 478.

⁹⁸ Там же. С. 472; Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I. С. 170.

в сем отношении Высочайшее повеление»⁹⁹. Вероятно, именно с этим связан тот факт, что в Российском государственном историческом архиве нет отдельного фонда Департамента, а его журналы находятся в одной коллекции с журналами Департамента военных дел¹⁰⁰. Хотя главным направлением деятельности Департамента определялись «предметы законодательства», относящиеся к Польше, а проблемы ее управления не входили в широком смысле в его компетенцию — судя по многочисленному реестру рассматриваемых дел, — следует признать, что все же отдельные вопросы административной юстиции, вероисповедной политики, гражданской службы, рекрутской повинности в 1832–1854 гг. были предметом его рассмотрения¹⁰¹.

Итак, Комитет и Департамент не только имели разные предметы деятельности, но и их значение в истории общероссийского Государственного совета было различным. Мы разделяем концепцию И. В. Ружицкой, согласно которой следует признать, что, если Комитет являлся основным органом, вырабатывавшим новую польскую политику, то деятельность польского Департамента не отличалась активностью, его «роль была незначительной»¹⁰². На наш взгляд, это находит подтверждение в небольшом количестве дел (21), рассмотренных в Департаменте в царствование Николая I, что может быть в определенной мере объяснено пассивностью его членов — представителей польской управленческой и военной элиты.

Вопрос о службе польского сановничества Российской империи, поставленный Л. Е. Горизонтовым, по всей видимости, требует углубленного изучения. По мнению автора, назначение в состав Департамента дел Царства Польского К. Ф. Друцкого-Любецкого и В. И. Красинского (других сановников он не указывает) рассматривалось Николаем I как «важный символический ресурс утверждения русского господства над Польшей»¹⁰³. Думается, что введение в состав Департамента влиятельных польских сановников и военачальников прежде всего было обусловлено стремлением императора использовать их государственный и военный опыт, его желанием в процессе формирования новой польской политики использовать «польский потенциал». Иное дело, что поляки всячески стремились избежать этого.

В целом же назначение государственных деятелей польского происхождения в состав имперского Государственного совета, как представляется, обуславливалось не только их служебными и политическими биографиями в царствование Александра I и в начале правления Николая I, лояльностью в отношении имперской власти и верностью русской присяге, когда в январе 1831 г. они прибыли в Санкт-Петербург, но и рядом внешне- и внутривосточных причин. Прежде всего, следует подчеркнуть, что в условиях обострения русско-польских отношений польский вопрос выступал как дестабилизирующий фактор применительно не только к внутренней жизни империи, но и к международным отношениям России со странами Западной Европы. В 1831 г. Англия и Франция сделали совместное предложение о посредничестве между Польшей и Россией, которое было отклонено Николаем I.

⁹⁹ ПСЗ-II. Т. XVII. Ч. 1. № 15518.

¹⁰⁰ Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I. С. 168, 293.

¹⁰¹ Описание дел Архива Государственного совета. Т. 16. С. 472–475.

¹⁰² Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I. С. 170, 282–283.

¹⁰³ Горизонтов Л. Е. Служить или не служить империи? С. 199.

ем I. После публикации Органического статута в 1832 г. английское и французское правительства в своем заявлении указывали, что присоединение к Российской империи польских земель по Акту Венского конгресса обуславливалось «дарованием Польше конституции»¹⁰⁴. Сложившаяся к началу 1830-х гг. в международной политике крайне невыгодная для России конъюнктура, связанная с негативной реакцией правительств западных стран и просвещенного общественного мнения Европы на Польскую кампанию, была отягощена пропагандистским «бумом» либеральной европейской печати. Как писал А. Х. Бенкендорф, «немецкие и английские журналы поощряли поляков своими напыщенными возгласами о свободе и национальной самостоятельности, Галиция и Познань рукоплескали варшавскому движению, как бы предвидя в нем и собственное свое возрождение, а европейские кабинеты улыбались этой новой помехе России на пути возрастающего ее могущества»¹⁰⁵. Все более усиливавшиеся русофобские настроения в Европе, раскачивавшие фундамент национальных отношений в России, требовали усиления идеологической работы, формирования у европейцев позитивного образа Российской империи. Имперская власть, осознавая возможность развития ростков конфликта просвещенной Европы с Россией и стремясь приостановить данный процесс, избрала орудием этой работы контрпропаганду, рассчитанную и на европейское, и на польское общественное мнение и включавшую инкорпорацию польских сановников в состав имперского Государственного совета.

Что касается внутривластного аспекта проблемы, то Польское восстание потребовало выработки нового политического курса по отношению к Польше, который бы обеспечивал имперскому центру лояльность ее населения, утверждение внутреннего порядка и спокойствия в данном регионе. Это достигалось как постепенным и нелинейным внедрением общеимперских законов и структур управления, так и введением представителей польской военной и управленческой элиты в высшие государственные учреждения Российской империи. Вопреки устремлениям поляков и Европы необходимо было теснее связать Польшу с Россией, опираясь уже не на шляхту, а на сановную бюрократию. Помимо этого, введение польского сановничества в состав Государственного совета во многом обуславливалось усилением его роли в административной системе империи в начале царствования Николая I, огромным влиянием на законодательный процесс, а также было связано с той ролью Совета как «советчика и эксперта» по важнейшим внутривластным проблемам, которую ему определил император¹⁰⁶. Неудивительно, что сановники и военачальники, имевшие опыт государственной и высшей военной деятельности в предыдущее царствование, были привлечены Николаем I в качестве советников и экспертов в выработке новой польской политики.

Итак, члены Государственного совета польского происхождения занимали разные административные и военные посты в царствование Александра I и в начале правления Николая I, их роль в государственном управлении Царства Польского и Российской империи была различной. Не вызывает сомнений тот факт,

¹⁰⁴ Корнилов А. А. Николай I. С. 133, 134; Аржакова Л. М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. С. 46.

¹⁰⁵ Портфель графа А. Х. Бенкендора. Мемуары шефа жандармов. С. 352; Выходчиков Л. В. Николай I и его эпоха. С. 387.

¹⁰⁶ Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I. С. 107, 291–292.

что, будучи советниками, они являлись посредниками между российской властью и польскими политическими и общественными элитами и должны были служить как Польше, так и России, однако этого не произошло. Следует подчеркнуть важнейшую закономерность, характерную для деятельности указанных польских сановников в Государственном совете. Назначенные в польские Комитет и Департамент в 1831–1832 гг., то есть в сложнейший исторический период взаимоотношений России и Польши, они не принимали реального участия в их деятельности. Находясь за границей «в длительном отпуске по болезни» (Замойский)¹⁰⁷ или уже через год, два, три «испрашивая Высочайшего разрешения на длительный отпуск в Европу для восстановления здоровья», который каждый год продлевался, польские советники (Грабовский, Красинский, Рожнецкий, Туркул)¹⁰⁸, не исполняли свои служебные обязанности. Исключением является деятельность Любецкого, но его активность проявлялась в Общем собрании Государственного совета, соединенных Департаментах законов и государственной экономики, а в Департаменте дел Царства Польского он также был пассивен. Таким образом, можно говорить о чисто формальном участии польских государственных деятелей в работе высших совещательных учреждений по польским делам, их стремлении не участвовать в формировании интеграционной программы.

На наш взгляд, неудача тактики Николая I по инкорпорации представителей правящей элиты Царства Польского в имперский Государственный совет, использованию «польского потенциала» в выработке новой польской политики была предопределена и связана с рядом социально-политических причин. Прежде всего это было обусловлено противоречиями, существовавшими между правительственной программой, направленной на упразднение государственно-правовой и финансовой автономии Польши, а также на ее административную унификацию в составе Российской империи, и идеологической установкой сановников на сохранение польской национальной идентичности и самостоятельности. Приверженцы унии с Россией, а не растворения Польши в империи, поляки — члены Комитета и Департамента — стремились сберечь особость ее управления и финансово-экономическую самодостаточность. Будучи проводниками либеральной политики предыдущего царствования, они не желали участвовать в правительственной работе по русификации Царства Польского, формированию законодательной основы для его всеобъемлющей интеграции в имперский организм, созданию системы административно-правового контроля и регламентации всех сфер жизни польского общества.

Истоки этого неприятия, как представляется, следует искать в политической и государственной деятельности, служебных биографиях польских сановников, рассмотренных выше и приходящихся на царствование Александра I и начало правления Николая I. Следует иметь в виду, что после создания Царства Польского в его правящих кругах усилилась политическая роль выходцев из знати Литвы. Устойчивые личные, земляческие и административные отношения польских «литвинов» — Любецкого, Грабовского, Замойского — во многом способствовали их единому политическому мировоззрению. В нем причудливо сочетались нацио-

¹⁰⁷ Об отсрочке пребывания С. А. Замойского за границей. 1848 г. // РГИА. Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной). Оп. 11. Д. 325. Л. 1–5.

¹⁰⁸ Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. С. 236, 301, 327, 406, 690, 809.

нальные и имперские тенденции, стремление сохранить как конституционно-представительские традиции Польши, так и ее государственного-правовой статус в составе Российской империи. Данные тенденции, нашедшие отражение в проекте 1811–1812 гг. воссоздания Великого Княжества Литовского, участия этих сановников в создании польской конституции, с наибольшей яркостью проявились во время Польского восстания.

Кроме того, представители высшей польской бюрократии и генералитета, будучи членами временных Комитета и Департамента по польским делам, имевших особое положение в структуре власти и государственных институтов николаевской России, работавших в секретном порядке, сами имели особый статус в российской бюрократической сфере. Будучи членами указанных учреждений, сановники не были включены в систему гражданской службы России, их деятельность не управлялась и не контролировалась Первым отделением СЕИВК, некоторые из них даже не получали жалования на российской службе (Замойский, Рожнецкий)¹⁰⁹; в силу чего они не были обязаны проводить в жизнь политику российского правительства, хотя именно это является главной функцией института бюрократии.

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Польское восстание 1830–1831 гг. актуализировало важнейшую стратегическую цель власти — укрепление и усовершенствование российской имперской государственности путем ее централизации, утверждения абсолютно-монархической системы управления, формирования единой централизованной бюрократической империи. Тактическим средством ее достижения определялась институциональная интеграция Царства Польского в государственно-правовое пространство Российской империи.
2. Разработку программы по ее реализации Николай I вверил Комитету и Департаменту по польским делам Государственного совета, в состав которых были назначены видные представители польской управленческой и военной элиты — К. Ф. Друцкий-Любецкий, С. Ф. Грабовский, В. И. Красинский, С. А. Замойский, А. А. Рожнецкий, И. Л. Туркул.
3. Противоречие, существовавшее между новой польской политикой имперской власти и «старым» политическим мировоззрением польских сановников, остававшимся в рамках унии России с Польшей при сохранении ее особого статуса в составе империи, обусловило их стремление не участвовать в законодательной деятельности российского правительства.

References

- Andreeva T. V. *Secret Societies in Russia in the First Third of the 19th Century: Government Policy and Public Opinion*. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2009, 911 p. (In Russian)
- Arzhakova L. M. *Russian Historical Polonistics and the Polish Question in the 19th Century*. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg State University, 2010, 344 p. (In Russian)
- Arzhakova L. M. *The Polish Question and its Refraction in Russian Historical Polonistics of the 19th Century*. Diss. ... d-ra ist. nauk. St. Petersburg, 2014, 489 p. (In Russian)
- Askenazi S. *The Kingdom of Poland 1815–1830*. Moscow, Knigoizdatel'stvo pisatelei v Moskve Publ., 1915, 169 p. (In Russian)

¹⁰⁹ Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. С. 327, 690.

- Bazyłow L. *Polacy w Peterburżu*. Wrocław, Zakład Narodowy im Ossolińskich, 1984, 473 s.
- Barzykowski S. *Historia Powstania Listopadowego*. T. 1. Poznań, Żupański, 1883, 492 s.
- Epstein E. E. *Activities of the Committee on Kingdom of Poland Affairs under the State Council (1831–1835): projects and management strategies*. Moscow, Moscow University Press, 2015, 66 p. (In Russian)
- Falkovich S. M. Polish Social Movement and the Policy of the Tsarist Administration of the Kingdom of Poland (1815–1830). *Poland and Russia in the first third of the 19th century. From the history of the autonomous Kingdom of Poland. 1815–1830*. Moscow, INDRIK Publ., 2010, pp. 331–428. (In Russian)
- Gorizontov L. E. *Paradoxes of imperial politics: Poles in Russia and Russians in Poland (19th–20th centuries)*. Moscow, INDRIK Publ., 1999, 270 p. (In Russian)
- Gorizontov L. Y. Serve or not serve the empire? Poles in Russia of the 19th century. *Russian-Polish language, literary and cultural contacts*. Moscow, Quadriga Publ., 2011, pp. 297–307. (In Russian)
- Kornilov A. A. *Russian politics in Poland from the time of the sections to the beginning of the 20th century*. St. Petersburg, Publishing House “Lights”, 1915, 98 p. (In Russian)
- Lyubeznikov O. A. *Nikolai Nikolaevich Novosiltsov — Statesman of Imperial Russia in the First Third of the 19th Century*. Diss. ... cand. ist. nauk. St. Petersburg, Publishing House LEMA, 2013, 198 p. (In Russian)
- Marney L. P. Features of Economic Development of the Kingdom of the Polish and Russian Empire in the First Third of the 19th Century. *Poland and Russia in the first third of the 19th century. From the history of the autonomous Kingdom of Poland. 1815–1830*. Moscow, INDRIK Publ., 2010, pp. 195–246. (In Russian)
- Mironenko S. V. *Autocracy and Reform. Political Struggle in Russia at the Beginning of the 19th Century*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 240 p. (In Russian)
- Mycielski M. *Rząd Królestwa Polskiego wobec sejmików i zgromadzeń gminnych 1815–1830*. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2010, 315 s.
- Obushenkova L. A. *Kingdom of Poland in 1815–1830. Economic and Social Development*. Moscow, Nauka Publ., 1979, 295 p. (In Russian)
- Poliyevktov M. A. *Nikolay I. Biography and Overview of the Reign*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2019, 310 p. (In Russian)
- Pravilova E. A. *Finances of the Empire. Money and Power in the Politics of Russia on the National Outskirts. 1801–1917*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006, 454 p. (In Russian)
- Remnev A. V. *Autocratic Government: Committee of Ministers in the System of Higher Governance of the Russian Empire (Second Half of the 19th — early 20th Century)*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 511 p. (In Russian)
- Ruzhitskaya I. V. *State Council under Nicholas I: Features of Functioning*. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018, 311 p. (In Russian)
- Smolka S. *Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowym*. T. 1. Kraków, Nakł. Akademii Umiejętności, 1907, 558 p.
- Szczepański J. *Książę Ksawery Drucki-Lubecki (1778–1846)*. Warszawa, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2008, 278 p.
- Vibe I. N. *Religious Policy of the Autocracy in the Western Territory (1830–1855)*. Diss. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, Publishing house LEMA, 2009, 231 p. (In Russian)
- Vyskochkov L. V. *Emperor Nicholas I: Man and Sovereign*. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg State University, 2001, 638 p. (In Russian)
- Vyskochkov L. V. *Nicholas I and his Era. Essays on the History of Russia in the Second Quarter of the 19th Century*. Moscow, Akademicheskii projekt Publ., 2018, 999 p. (In Russian)
- Zdzitowiecki J. *Książę — Minister Franciszek Ksawery Drucki-Lubecki. 1778–1846*. Warszawa, Wyd-wo S. Arcta, 1948, 656 s.
- Zhukovskaya T. N. *Government and Society under Alexander I*. Petrozavodsk, Publishing House of Petrozavodsk State University, 2002, 222 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 2 января 2020 г.

Рекомендована в печать 8 июня 2020 г.

Received: January 2, 2020

Accepted: June 8, 2020